

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ВОЗНИКНОВЕНИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Долгое время вопрос о начале русской письменности в старой филологической науке не отделялся от вопроса о начале славянской письменности в целом. В XIX, а отчасти и в XX в., господствовало убеждение, что русская письменность появилась с христианством, что до «крещения Руси» не было якобы письменности и книг, что они были перенесены на Русь только якобы в связи с потребностями христианского культа. Первыми памятниками письменности на Руси были, по этим представлениям, древнеболгарские книги, писанные на древнеболгарском (иначе: старо-славянском, древне-церковно-славянском) языке. Эти древнеболгарские книги переписывались на Руси болгарскими и русскими писцами и, таким образом, якобы положили начало письменности на русской почве.

Такое представление о начале русской письменности не было случайностью. Оно вытекало из тех общих представлений о происхождении русской культуры и культуры всех славянских народов, которые были распространены у буржуазных ученых. Так, например, известный французский буржуазный византолог Шарль Диль писал о всех славянских народах центральной, южной и восточной Европы: «Всем этим варварским народам Византия несла не только религию: она распространяла одновременно идею государственности, формы управления, новое право, регулирующее общественные отношения, просвещение вплоть до создания алфавита-кириллицы, ставшего основой их письменности».¹

Исследования советских ученых в самых различных областях установили местные корни русской культуры. В этом отношении следует упомянуть работы советских историков (в пер-

¹ Ш. Ди ль. Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 30—31.

вую очередь акад. Б. Д. Грекова),¹ установивших происхождение русской государственности из внутренних потребностей русского общества, затем работы советских языковедов (в первую очередь акад. С. П. Обнорского),² установивших корни русского литературного языка в устном русском языке, а не в дреине-болгарском, наконец работы советских искусствоведов и литературоведов, выясняющих все новые и новые факты местного, русского происхождения ряда явлений древнерусского искусства и древнерусской литературы.

Значительные материалы накоплены в советской науке и для пересмотра вопроса о начале русской письменности. Вопрос о начале русской письменности имеет много общего с вопросом о начале русской государственности. Еще не так давно дворянские и буржуазные историки могли всерьез говорить о начале русской государственности от трех братьев-варягов. Такие политически вредные, враждебные русскому народу «теории» отражали до известной степени донаучные исторические представления, когда всякому новому историческому явлению искали объяснения на стороне — в толчке извне, и когда игнорировалось внутреннее развитие общества, игнорировалось развитие в нем потребностей, определивших собою возникновение этого нового явления, и когда происхождение даже такого крупного факта, как государство, могло приписываться случаю: «сговору», «приглашению», личной инициативе и т. д.

В вопросе о появлении русской письменности также не так давно оставлялись без внимания внутренние потребности русского общества в письменности, исторический рост русского общества и внутренняя обусловленность появления письменности как одного из фактов исторического развития. Однако, если утверждение норманистов о внезапном появлении Русского государства на острие мечей скандинавских братьев целиком опирается на легенду, то в вопросе о происхождении русской письменности введение христианства на Руси и связанный с ним приток болгарских книг — отнюдь не легенды. В развитии русской письменности официальное принятие христианства сыграло крупную роль, но эта роль, как уже сейчас совершенно ясно, была ролью подсобной, а не основной. Потребности в письменности на Руси заметно выросли задолго до официального введения христианства как государственной религии, и само введение христианства в конечном счете ответило отчасти тем же потреб-

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1946.

² С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

ностям русского общества, которые вызвали на Руси и появление письменности.

В изучении начала русской письменности мы должны главное внимание уделить не тому, каким был первый алфавит (глаголическим или кирилловским), кто первый «ввел» письменность на Руси, — как бы сами по себе ни были интересны эти вопросы, а должны прежде всего обратить наше внимание на выяснение внутренних потребностей русского общества в письменности в связи с особенностями его социально-экономического развития.

Рассмотрение состава, содержания, характера древнейших памятников русской письменности уже сейчас, на современном этапе развития нашей науки, позволяет до известной степени ответить на вопросы: для чего служила древнейшая письменность и какими потребностями общества она была вызвана к жизни.

Попытаемся определить: о чем говорят древнейшие из дошедших до нас свидетельств о русской письменности.

Прежде всего рассмотрим свидетельства русских договоров с греками, читающихся в «Повести временных лет». Договоры с греками, хотя и дошли до нас в поздних списках, сами по себе являются свидетельствами русской письменности, так как перевод этих договоров с греческого языка был современен самим договорам. Акад. С. П. Обнорский пишет: «...появление текстов договоров в переводе с греческого языка не могло быть ни относительно поздним, ни одновременным, а, следовательно, оно приблизительно должно было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов».¹ К этому выводу С. П. Обнорский пришел в результате кропотливого изучения языка договоров.

Итак, прежде всего следует отметить, что письменность уже в первой половине X в. употреблялась при заключении договоров с греками. Она употреблялась для записи того русского текста перевода, который должен был храниться у русских.

Кроме того, свидетельства о русской письменности имеются в самих текстах договоров. Уже давно было обращено внимание на то место договора Олега с греками 911 г., где имеется прямое свидетельство о наличии у русских письменных завещаний: «Аще кто умреть, не уядивъ своего именья, ци своих не иметь, да възвратить имение к малым ближикам в Русь. Аще ли сътворить обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будеть

¹ С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сб. «Язык и мышление», вып. V—VII, М.—Л., 1936, стр. 403.

писал наследити именье его, да наследит ё».¹ Из этого текста ясно, что крупные купцы, ведшие торговлю с Византией, послы русских и русские, служившие в византийском войске, составляли письменные завещания. Этот обычай казался настолько естественным и распространенным, что отсутствие письменного завещания у умершего в Византии русского особо рассматривалось в договоре Руси с Византией.

Кроме того, как известно, еще в договоре Игоря с греками 944 г. имеется статья, свидетельствующая о наличии письменных документов в обычных, мирных сношениях Руси с другими странами: «Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же уведел есть князь вашь посылати грамоты ко царству нашему; иже посылаеми бывають от них послы и гостье, да приносять грамоту, пишюче сице: яко послах корабль селико, и от тех да увемы и мы, оже с миром приходять. Аще ли без грамоты придут, и преданы будуть нам, да держим и храним, donde же възвестим князю нашему».²

Из этой статьи договора 944 г. видно, что русские обязывались снабжать письменными документами корабли, отправляющиеся в Византию, в отмену старого порядка, при котором русские послы и купцы обязаны были предъявлять в Царьграде золотые и серебряные печати. Нам неважно в данном случае — на каком языке должны были быть написаны эти грамоты: на греческом или на русском. Нам важно отметить лишь все возрастающую потребность в письменности во внешних сношениях Руси. Каждое новое свидетельство о письменности на Руси говорит и о новом употреблении ее; применение письменности на Руси было очень разнообразно, отвечая назревшим разнородным потребностям русского общества в письменности.

Широко известно свидетельство о восточнославянской письменности арабского писателя Ибн-Фадлана, посла Ак-Муктадира к царю славян. В своей книге, появившейся вскоре после его путешествия по Волге в 920—921 гг., Ибн-Фадлан рассказывает о том, что над могилой знатного русса, погребение которого он наблюдал на Волге, «соорудили нечто вроде круглого холма, воткнули в середину его большой кусок белого тополя, написали на нем имя того мужчины (умершего, — Д. Л.) и имя царя руссов и удалились».³ Перед нами свидетельство применения письменности в области, выходящей за пределы утилитарных целей.

¹ Повесть временных лет, ч. I. Серия «Литературные памятники». Изд. АН СССР, М—Л., 1950, стр. 28, под 912 г.

² Там же, стр. 35.

³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 83.

Напомним также о свидетельстве арабского географа Масуди, умершего в 956 г., который в сочинении «Золотые луга» утверждает, что в одном из «русских храмов» он видел пророчество, написанное на камне. К сожалению, остается неясным, был ли этот русский храм христианским или языческим. Если он был языческим, то это указывало бы на применение письменности в древнерусском языческом культе. Это последнее подтверждает, как будто бы, немецкий хронист Титмар Мерзебургский. Он пишет, что видел в славянском языческом храме несколько идолов, на которых были знаками начертаны их имена.

Как известно, приводит образец русской письменности и арабский писатель Ибн-эль-Недим. Однако в свидетельстве этого писателя не ясно для нас основное: для чего была употреблена приводимая им надпись. Ибн-эль-Недим пишет в своем сочинении «Каталог книг», что в 987 г. он видел русскую надпись при следующих обстоятельствах: «Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь, что один из царей горы Кабк послал его к царю русов, он утверждал, что они имеют письмена, вырезываемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения; не знаю, были ли они слова, или отдельные буквы, подобно этому».¹ Далее Ибн-эль-Недим воспроизводит и самую надпись, прочесть которую до сих пор, впрочем, хотя бы более или менее убедительно, не удалось.

Кроме этих свидетельств — русских и иностранных — о существовании русской письменности следует напомнить о многочисленных надписях, обнаруженных археологами. Прежде всего в этом ряду следует привести надпись первой четверти X в., обнаруженную Д. А. Авдусиным в одном из Гнездовских курганов под Смоленском на обломках большого глиняного сосуда. Эту надпись М. Н. Тихомиров читает как «гороухща»,² а П. Я. Черных как «гороушна»,³ но с одним и тем же значением «горчица». Повидимому, в сосуде, прежде чем он был употреблен в обряде тризны по умершему на его могиле, перевозилась купцами горчица в торговых целях (сосуд слишком велик, чтобы служить для личного употребления горчицы — даже и в большом хозяйстве). Надпись на сосуде могла быть

¹ С. Гедеонов. Варяги и Русь, т. II. 1876, прим. 191.

² Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестник Академии Наук СССР, 1950, № 4.

³ П. Я. Черных. Две заметки по истории русского языка. Известия Акад. Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1950, № 5.

сделана для того, чтобы перевозившие его люди не спутали его с другими — с иным содержимым.

В XI в. надписи встречаются на шиферных пряслицах, обозначая владельца, на кирпичах и некоторых других изделиях ремесла, служа своего рода ремесленными марками или знаками собственности.

Наконец, нельзя не упомянуть о замечательных открытиях А. В. Арциховского в Новгороде летом 1951 г.¹ и летом 1952 г. А. В. Арциховскому удалось найти при раскопках в Неревском конце Новгорода большое число грамот, написанных на бересте. Самые поздние грамоты, найденные А. В. Арциховским, относятся к XVI в., самые ранние — к XI в. В грамотах этих встречаются и перечни феодальных повинностей, и частные письма, и записи должников, составленные ростовщиком (так, повидимому, следует понимать содержание грамоты № 2). Наибольший интерес представляют частные письма делового содержания, некоторые из которых относятся к XI в. Эти письма несомненно составлены, судя по их содержанию, в демократической среде, свидетельствуя о сравнительно широком распространении грамотности. До сих пор представлению о широком распространении грамотности мешала относительная дороговизна пергамена. Нас не должно смущать то обстоятельство, что древнейшие из открытых А. В. Арциховским грамот относятся к XI в. Совершенно ясно, что широкое распространение грамотность в XI в. в демократической среде (о чем свидетельствуют и берестяные грамоты и графитти, открытые на стенах соборов в Новгороде и Киеве) получила не сразу, а в результате длительного процесса.

О чём же говорят все эти факты? Прежде всего о том, что письменность нашла широкое применение помимо церковной богослужебной литературы еще прежде, чем отдельные рукописи начали к нам в изобилии проникать через Болгарию после введения христианства и это сказалось и на последующей судьбе письменности на Руси в XI—XII вв.

Вместе с тем, X век застает русскую письменность уже с довольно широким кругом употребления. Потребности в письменности обнаруживаются, как видно из предыдущего, в государственной жизни — в договорах и сношениях с иноземными государствами (договоры, сопроводительные грамоты), в крупной торговле (надписи на сосудах с содержимым), в новых имущественных отношениях (письменные завещания, надписи,

¹ А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. Вопросы истории, 1951, № 12.

удостоверяющие собственность), в развитом ремесле (подписи имени мастера, заменившие прежние родовые знаки собственности), в почитании знатных умерших (надпись на могиле русса), повидимому, в развитом языческом культе (пророчество, написанное в храме).

Каждый из дошедших памятников письменности, каждое упоминание о письменности на Руси в X в. говорит о своеобразном, новом ее употреблении.

Многообразное применение письменности свидетельствует, что к X веку письменность прошла уже сравнительно долгий путь развития. По крайней мере не менее века, а всего вероятнее и значительно больше должно было пройти, чтобы письменность могла получить столь разнообразное применение. По величине площади «рассеивания» мы до известной степени можем судить об отдачности исходной точки этого рассеивания.

Вместе с тем, большинство отмеченных нами случаев применения письменности свидетельствует о том, что письменность появилась уже в развитом классовом обществе. Потребности государства, потребности торговли, потребности развитого ремесла, потребности развитых представлений о собственности — вот, что вызвало и поддержало на Руси появление письменности. Письменность на Руси появилась и должна была неизбежно появиться на известном уровне общественного развития.

Напомним, что И. В. Сталин говорит о появлении письменности после появления классов, но до зарождения государства, и особо отмечает нужду в письменности государства и развитой торговли. И. В. Сталин пишет: «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — всё это внесло большие изменения в развитие языка».¹

Весьма возможно, что единого начала письменности на Руси и не существовало, что различные алфавиты употреблялись в различных местах восточнославянской территории.

Письменность, как мы можем предполагать, возникла еще до образования относительно единого древнерусского государства. В пору отсутствия политического единства и самое происхождение письменности на Руси могло быть отнюдь не единым. Восточнославянские племена развивались далеко не равномерно.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкоznания. Госполитиздат. М., 1950, стр. 27.

Более развитые племена могли уже обладать начатками письменности, в то время как менее развитые ими еще не обладали. Вполне могло быть и так, что письменность самостоятельно возникала в двух-трех восточнославянских центрах: допустим, в Киеве, в Новгороде и на северных берегах Черного моря.

Древним алфавитом могла быть глаголица, но это не значит, что рядом с глаголицей у русского населения Северного Причерноморья, тесно соприкасавшегося с греческими колониями, не могли употребляться буквы греческого алфавита для письма на русском языке. В связи с этим предположением приобретает особенное значение свидетельство черноризца Храбра о том, что славяне еще до Кирилла и Мефодия по нужде пользовались латинскими и греческими буквами, но «без устроения».¹ Может быть те книги, которые видел Константин Философ во время своего путешествия в Хазарию (около 860 г.) у некоего русского в Корсуне, были именно такими книгами, в которых без особого «устройства» были применены буквы греческого алфавита, хотя сложная тематика этих книг (по свидетельству жития Константина это были евангелие и псалтырь) говорит как будто бы за то, что письмо было в достаточной мере упорядоченное. Возможно, впрочем, что и буквы этих книг не были греческими по происхождению, иначе автор жития Константина не назвал бы их «русьскими письмены».²

Археологи неоднократно находили на территории восточных славян предметы с непонятными знаками, напоминавшими буквы неизвестного алфавита.³ Многоалфавитность древнейшей стадии письменности у восточных славян не подлежит сомнению.

Внутренние потребности классового общества в условиях слабости политических и экономических связей у восточнославян-

¹ П. Шафарик. Славянские древности. Часть историческая, т. II, кн. III, СПб., 1848, стр. 109—110.

² О «письменах» в житии Константина см. в работе: П. Я. Черных. К истории вопроса о «русских письменах» в житии Константина Философа. «Ученые записки» Ярославского педагогического института, вып. IX (XIX). История СССР, 1947.

³ В. А. Городцов. Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками. Археолог. заметки, 1897, № 12; 1898, № 11—12; А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1941, стр. 112; Д. Я. Самохвалов. Раскопки северных курганов в Чернигове во время XIV археологического съезда. М., 1916, стр. 11; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, стр. 90 и сл.; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. Известия Археологической комиссии, М., 1911, вып. 43, стр. 23, и др. Свод данных см. в статье Е. М. Эпштейна: К вопросу о времени происхождения русской письменности. Ученые записки Ленинградского Гос. университета, серия исторических наук, вып. 15. Л., 1948.

вянских племен могли привести к образованию или заимствованию различных алфавитов на различных территориях. Знаменательно, во всяком случае, хотя бы то, что единый, воспринятый из Болгарии алфавит — кириллица — устанавливается только в относительно едином раннефеодальном государстве, между тем как древнейшие времена дают нам свидетельство о наличии обоих алфавитов — и кириллицы, и глаголицы. Чем старше памятники русской письменности, тем вероятнее наличие в них обоих алфавитов. Исторически нет оснований думать, что эта древнейшая двуалфавитность — явление вторичное, сменившее первоначальную одноалфавитность. Потребность в письменности при отсутствии достаточных государственных связей могла породить в различных частях восточнославянского общества различные попытки ответить этой потребности.¹

Наконец, перед историком, занимающимся исследованием возникновения письменности, встает еще один вопрос: не было ли между бесписьменным и письменным периодами в развитии восточнославянской культуры каких-то промежуточных ступеней? Мы разумеем обычно под восточнославянской письменностью ее вполне развитую ступень, — письмо, в котором каждый звук имеет свой знак и до известной степени упорядочена орфография. Такая письменность способна ответить очень сложным культурным потребностям, до появления которых могли быть потребности куда более скромные. Письменные завещательные распоряжения, о которых упоминает договор 944 г., предполагают наличие развитой индивидуальной собственности, но община собственность не нуждалась в завещательных распоряжениях: род «бессмертен».

Частная, индивидуальная собственность, сменившая собою собственность общинную, была связана со сложными формами перехода от одного владельца к другому, требовавшими своего закрепления в письменных актах. Общинная же собственность не знала многих форм перехода от одних владельцев к другим. Она вряд ли продавалась и не могла быть завещана. Поэтому в условиях общинной собственности не было еще ни духовных, ни купчих, ни многих других документов, закреплявших собственность за новым владельцем. Общинная собственность могла быть взята только насильно, вооруженной рукой. Однако родовая собственность, как и индивидуальная собственность, нуждалась в охране, в удостоверении этой собственности. И вот встает

¹ Большой интерес для решения вопроса о происхождении славянской письменности представляет книга болгарского ученого Емила Георгиева «Славянская письменность до Кирилла и Мефодия» (издание Болгарской Академии наук, София, 1952).

важный вопрос: не являются ли те знаки собственности, о которых мы знаем и по археологическим данным вплоть до татаро-монгольского нашествия¹ и по упоминаниям в Русской Правде² остатками того переходного периода от отсутствия письменности к письменности, который соответствовал определенной ступени развития общества, когда появившаяся уже потребность в письменности была еще очень не развита.

Из всего вышеизложенного совершенно ясно, что при историческом подходе к проблеме возникновения письменности, вопросы о том — кто, где и когда «изобрел» письменность, была ли она первоначально глаголической или кирилловской, должны быть по существу, поставлены совершенно иначе.

Письменность явилась не результатом индивидуального изобретательства и не результатом «переноса», а следствием потребностей в ней, появившихся в классовом обществе, хотя сама письменность и не носила классового характера. Этим потребностям могли ответить и индивидуальные изобретения собственных алфавитов и алфавиты соседей, обладавших уже развитой письменностью. Вместе с тем, когда мы говорим о происхождении русской письменности и ставим вопрос о тех внутренних причинах, которые вызывали потребности в собственной письменности, для нас становится второстепенным вопрос о том, кто первый ввел на Руси письменность. Совершенно ясно, что кто бы ни был этот «первый», он легко мог оказаться и вторым и третьим. Менее важным представляется нам тогда и вопрос о том, была ли первым письменным произведением на Руси церковная книга или надпись на камне, глине, шифере. Самым важным вопросом останется для нас навсегда вопрос о тех внутренних потребностях русского общества в письменности, которые и явились истинными «просветителями» Руси.

Нет никаких сомнений в том, что наиболее совершенный алфавит, которым Русь начала пользоваться с X в. — кириллица — был изобретен в Болгарии и оттуда перенесен на Русь. Однако это обстоятельство отнюдь не должно заставлять нас ограничиваться только этим фактом переноса для решения вопроса о происхождении русской письменности. Вопрос о происхождении письменности гораздо шире, чем вопрос о происхождении того или иного алфавита.

Наука никогда не утратит интереса к тому — к какому времени относится древнейшее русское письменное произведение, но

¹ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. Советская археология, 1940, № 6 и др.

² Правда Русская, т. I. Под ред. акад. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1940, Пространная Правда, статьи 70, 71, 73.

это древнейшее произведение письменности (будь то надпись или книга) будет для исторической науки важно по преимуществу как показатель древнейших же потребностей общества в письменности.

Подобно тому как невозможно с точностью установить — когда именно возникло Русское государство, в каком году, в какое десятилетие, поскольку формы государства возникали и развивались постепенно, так, очевидно, никогда не удастся установить — когда именно возникла русская письменность, кто именно и в каком году «изобрел» или «принес» ее на Русь. И здесь и там существовали переходные формы, существовали мало совершенные алфавиты, постоянно обнаруживаемые археологами (см. выше примечание на стр. 21).

Таким образом, к вопросу о начале русской письменности следует подойти исторически как к необходимому этапу во внутреннем развитии восточных славян.

Нет оснований преуменьшать значение христианской церкви на Руси в развитии письменности. Однако церковь и церковная письменность имеют отношение не к первому, а ко второму этапу в развитии русской письменности: не к ее началу, а к ее развитию.

Официальное принятие христианства Русью имело очень большое значение в развитии и распространении письменности. Христианская, церковная письменность способствовала упорядочению орфографии, приемов письма, установила письменный язык, без чего письменность не могла получить достаточно глубокого развития и т. д. Забегая несколько вперед, отметим уже сейчас, что внутреннее развитие восточных славян привело не только к появлению письменности, но и к появлению у них литературы. Литература явились у нас независимо от принятия христианства, под влиянием внутренних в ней потребностей. Церковь на первых этапах существования на Руси способствовала ее развитию. Способствовала развитию русской литературы и литература переводная — церковная и светская. Но все, что способствовало развитию русской литературы со стороны, не определяло еще тех причин ее возникновения, которые действовали изнутри и которые, по существу, были, конечно, самыми важными.

